

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

Агата Кристи, Дороти Л. Сэйерс,
Глэдис Митчелл – три гранд-дамы
золотого века английского детектива,
основательницы легендарного
«Клуба детективов».

Глэдис Митчелл долгое время
оставалась в тени своих знаменитых
современниц. Однако сегодня ее книги
о расследованиях эксцентричной
миссис Брэдли переживают
второе рождение. Многие из них
экранизированы Би-би-си.

GLADYS
MITCHELL

.....

SPEEDY DEATH

.....

ГЛЭДИС

МИТЧЕЛЛ

.....

БЫСТРАЯ СМЕРТЬ

.....

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44
М67

Серия «Золотой век английского детектива»

Gladys Mitchell
SPEEDY DEATH

Перевод с английского *А.Ю. Кабалкина*

Серийное оформление
и компьютерный дизайн *В.Е. Половцева*

Печатается с разрешения автора
и литературных агентств
Gregory & Company Authors' Agents и Andrew Nurnberg.

Митчелл, Глэдис.

М67 Быстрая смерть : [роман] / Глэдис Митчелл ;
[пер. с англ. А.Ю. Кабалкина]. — Москва : Изда-
тельство АСТ, 2018. — 320 с. — (Золотой век ан-
глийского детектива).

ISBN 978-5-17-110677-5

Светский прием в богатом поместье Чейнинг-Корт завершается трагедией: убит один из гостей — известный путешественник и археолог. Но не только его гибель шокирует гостей и полицию: знаменитый ученый, выдававший себя за мужчину, оказался... женщиной! Есть ли связь между этой тайной и убийством? Миссис Брэдли начинает собственное расследование, а вскоре в поместье находят мертвой Элеонор — дочь хозяина...

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-110677-5

© The Executor of the Estate Gladys
Mitchell, 1929
© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2015
© Издание на русском языке AST
Publishers, 2018

Глава I

ГОСТЬ, ОСТАВШИЙСЯ БЕЗ УЖИНА

Двое молодых людей прождали ровно два часа и три минуты.

— Если она не приедет поездом в 6.15, — не выдержал тот, кто помоложе, покрупнее, более раздраженный и возмущенный, — то я, черт возьми, вернусь без нее. Что позволяют себе эти девушки, особенно когда собираешься на них жениться? Воображают, будто им позволено опаздывать. Теперь не избежать ссоры.

— Выше голову, приятель, — посоветовал ему второй молодой человек. — Гляди-ка, поезд в 6.15 уже на подходе. Наверняка она в нем.

Так и оказалось.

— Наверное, я последняя! — вскричала она, сияя румянцем и улыбкой. Она, безусловно, была красива, особенно в глазах двух влюбленных в нее молодых людей — от полей своей шикарной новой шляпки до пряжек блестящих туфель.

В голосе ее было больше безыскусного довольства, чем раскаяния, сожаления, страха, но

Глэдис Митчелл

два молодых человека прождали ровно два часа четыре минуты и теперь сопровождали ее к машине.

— Садись же, Дороти! — воскликнул крупный молодой человек. — Эй, носильщик! Сюда! Живее! Ну наконец-то!

Расплатившись и отпустив носильщика, он повернулся к девушке:

— Мы так спешили к поезду в 4.30! А сейчас уже почти половина седьмого! Ужин в половине восьмого — ну не возмутительно ли? Дом полон идиотов, а старик вечно возмущается, если его заставляют медлить с трапезой. Дорога вся в острых камешках, так что нам не избежать прокола колеса, а я как последний болван забыл захватить запасное. И ты еще, такая чертовка, заставила нас столько ждать! Поделом нам!

Дороти со смехом села в машину, говорливый молодой человек с негодующим видом прыгнул за руль, а его спутник, худощавый, низкорослый розовощекий брюнет, устроился рядом с пассажиркой и захлопнул дверцу.

— Трогай, капитан! — радостно крикнул он.

— Приятно снова тебя видеть, Берти, — сказала Дороти. — Чем ты занимался после нашей последней встречи?

— Сам не знаю... — Берти Филиппсон озабоченно свел брови. — То одно, то другое.

Она вопросительно уставилась на него.

Быстрая смерть

— По-прежнему бездельничаешь? Почему бы тебе не приняться за что-нибудь серьезное?

— Что толку? Вот если бы ты... Если бы все было по-другому... Ты понимаешь, о чем я.

Тонкие пальцы Дороти нашли его запястье и ласково сжали.

— Понимаю. И прошу у тебя прощения, Берти. Ничего не могу с собой поделать. Видишь ли, ты мне очень нравишься, но Гард... С ним все иначе. В нем есть нечто такое...

— Еще бы! Рост и мерзкий нрав, — с усмешкой подхватил Берти, уставившись на широкие плечи, загородившие от него дорогу. — После замужества тебе придется быть покладистее.

Дороти усмехнулась:

— Знаю. Ты не представляешь, как это замечательно — бояться своего будущего мужа! Он ведь страшный негодник? В двадцать шесть лет все еще сдает экзамены!

— Это мягко сказано! — бросил Берти. — Утешает одно: ему не придется зависеть от пациентов. Старый Бинг слышать не хочет о том, что его сын метит в доктора! Что, конечно, не повлияет на долю Гарда при разделе семейного состояния.

— И имя у него говорящее — Гард, — усмехнулась Дороти.

Водитель оглянулся:

— Вы это обо мне?

Глэдис Митчелл

— Не волнуйся, дорогой, будь осторожен. Водителю не следует обращать внимание на разговоры у него за спиной.

Дороти снова обратилась к своему соседу, озорно улыбнувшись:

— А теперь расскажи мне про гостей. Они так же ужасны, как обычно? Мне опять, как в прошлый раз, суждено быть единственной одинокой женщиной или найдутся другие?

Берти решил подыграть ее приподнятому настроению.

— Сейчас соображу... Кажется, все, кроме тебя, съехались в наше отсутствие. Не хотелось бы начинать с упреков, но почему, пообещав прибыть поездом в 4.30, ты приехала в 6.15? Наш неугомонный водитель пытался дозвониться на станцию Паддингтон и выяснить, не подавилась ли ты в местном буфете сэндвичем с ветчиной? Что произошло?

— Просто я опоздала на поезд в 4.30, — ответила Дороти, устраиваясь поудобнее на сиденье. — Кажется, Гард возмущается? Я заметила, что, испугавшись, люди часто переходят на грубости. Теперь мы опоздаем, ужин будет испорчен, мистер Бинг станет браниться, кухарка предупредит, что все остыло, присутствующие останутся голодными, Элеонор будет со мной мила, а я от безутешности зачахну и испущу дух. Во всяком случае, не смогу сдержать слез.

Быстрая смерть

— А ты дыши поглубже, — с усмешкой посоветовал Берти.

— Так и сделаю. А ты расскажи про гостей. Знаю я хоть кого-нибудь из них?

— Вряд ли. Знаком тебе некто Маунтджой?

— Исследователь? Нет, но я о нем слышала. Здоровенный, лохматый, громкоголосый, примитивное существо в красном галстуке с черной бородой.

— Вздор! — возразил Берти. — Наоборот, он маленький, тощий, чисто выбрит, робок и все больше помалкивает.

— Значит, я попала пальцем в небо! Он даже не сердceed?

— Какой из него сердceed! Ему делается до смерти страшно, когда с ним просто заговаривают. Бормочет первое пришедшее на ум и спешит уйти. Со львами и слонами он на короткой ноге, но собеседник из него никакой. В гольф не играет, автомобилями не увлекается, не гуляет, не скачет, не плавает, не теннисист. Знаешь, кто та единственная, умеющая вытянуть из него хотя бы пару слов?

— Уж не Элеонор ли? — весело предположила Дороти.

— Она самая, — важно кивнул Берти. — Дражайшая сестрица нашего Гарда — Элеонор.

— Не верю! — воскликнула Дороти. — Не могу вообразить, чтобы Элеонор проявляла интерес

Быстрая смерть

симым при частом. Уже семнадцать лет он был вдовцом, и все это время дочь Элеонор состояла при нем экономкой и секретарем. Его сын Гард был моложе Элеонор на несколько лет, он пошел внешностью в родню по материнской линии: был высоким, сильным и храбрым. К неудовольствию папаша, избрал медицинскую стезю. Алистер мечтал, чтобы сын стал преподавателем в Кембридже. Характерно, что никто из их знакомых не сомневался, кто одержит верх — раздражительный и мстительный старик или его мрачный сын. Гард всегда добивался своего, не сходил с избранного пути и неизменно отвергал попытки втянуть себя в спор. Ярче всего раскрыл его характер способ, каким он предложил руку и сердце популярной красавице Дороти Кларк.

«Послушайте, Дороти, в каком месяце лучше всего венчаться?»

«Даже не знаю. В июне?»

«Вы правы! Значит, июнь. Когда выбираем обручальное кольцо?»

«Но, Гард...»

Но того уже след простыл.

Ужин по случаю празднования дня рождения был торжественным, но разговор за столом получился скучным. Хозяин уморил всех тоскливым рассказом о результатах своих недавних изысканий в Египте. Наступившую тишину нарушил

Глэдис Митчелл

голос его сына, завершавшего пренебрежительное замечание относительно поданной еды.

Элеонор Бинг — пухлая, незлобивая, сдержанная, слишком хорошо воспитанная и вообще будто замороженная, отчего никогда не могла завоевать популярности, с собранными в скромный викторианский пучок длинными волосами, в тусклом, хотя и дорогом платье, в ладных туфельках на маленьких ножках — ответила брату четко и спокойно. Тот бросил на нее сердитый, по своему обыкновению, взгляд и опять склонился над тарелкой.

Между его сестрой и Дороти Кларк сидел седовласый мужчина с капризной улыбкой, приятным голосом, внушающими симпатию робкими манерами. Это был натуралист Карстерс, друг молодости Алистера Бинга. Его изысканный разговор, дружелюбные интонации и вспышки незлобиво юмора привлекали внимание всех остальных всякий раз, когда он подавал голос.

Место напротив Дороти Кларк пустовало.

Самой неуместной участницей застолья была женщина, сидевшая справа от Алистера Бинга, миссис Лестрендж Брэдли. Никто не знал толком, кто она такая и почему приглашена. Ходили слухи, что она спасла Гарда, чуть было не пошедшего ко дну во время гребных гонок, но никто не понимал, зачем ему понадобилось снова ее «выкапывать», как выразился с неприязнью Алистер,

Быстрая смерть

и привозить в поместье. Возможно, как безжалостно предположила Дороти, дело было в пристрастии к ископаемым, унаследованном сыном у отца.

Миссис Брэдли была суховатой, хотя не высушенной, и напоминала птицу. Назвать ее миловидной не повернулся бы язык. Алистеру Бингу она казалась реконструкцией птеродактиля, которую он однажды видел в немецком музее. В чертах ее лица он усматривал ту же нечеловеческую злобность, что и в доисторическом птицеящере. Рот был цинично ухмыляющимся, даже когда ее лицо ничего не выражало. Пальцы у нее были неприятные — сухие и когтистые, руки желтые и отталкивающие, как ощипанные птичьи крылья.

— Маунтджой сильно опаздывает, — заметил Карстерс. — Уже четверть девятого. Что его задержало? Наверное, увлекся замыслом новой книги, и теперь ему не до еды.

Алистер Бинг, грозно подкручивая ус, с ненавистью сверкая голубыми глазами и мотая белой бородкой-эспаньолкой, разразился в адрес отсутствующего гостя гневной тирадой. Как выяснилось, несколькими часами раньше Эверард Маунтджой выступил с доводами в пользу того, что курган на Белдон-Доун являлся не валом древних бриттов, а остатком рва с песком на местном поле для гольфа, семь или восемь лет назад передвинутым ближе к морю.

Глэдис Митчелл

— Это смехотворно! — бушевал Алистер Бинг, сотрясаясь от ярости. — Клоун!

— Прошу прощения, сэр, — произнес дворецкий.

Алистер выпрямился.

— В чем дело? — Он уставился на покорного слугу так, словно тот был ученым, нанесшим ему оскорбление.

— К вашему сведению, сэр, — продолжил дворецкий, — Парсонс сообщил мне, что мистер Маунтджой час назад пошел принимать ванну наверху и с тех пор не появлялся.

Алистер вытаращил глаза:

— Не появлялся? Он что, бесплотный дух? Что за идиотизм?

— Он пошел принимать ванну, сэр, — невозмутимо повторил дворецкий. — Наверху, час назад.

— Меня это не касается! — крикнул раздражительный хозяин. — Пусть Парсонс постучит в дверь и спросит, не требуется ли мистеру Маунтджою помощь.

— Будет исполнено, сэр.

— Надеюсь, он не заболел? — заботливо проговорила Элеонор. — Ты не считаешь, отец, что тебе самому следует сходить посмотреть, что с ним?

— Не считаю! — отрезал Алистер Бинг. — Совершенно не считаю. Если человеку хватает дерзости и нахальства, если склонность к клоунаде

Быстрая смерть

заставляет его бросать мне в лицо, что я не способен опознать земляной вал бриттов, то о чем...

— Но, сэр... — начал Берти Филиппсон. — Я хочу сказать, что... — Но никто так и не узнал, что он хотел сказать, потому что в этот момент дворецкий снова приблизился к хозяину.

— Сэр, — сказал он с настойчивостью, не выходящей за пределы дозволенного вышколенному дворецкому.

— Что? — проворчал Алистер Бинг с важной холодностью раздраженного человека, считающего, что суматоха поднялась из-за сущей ерунды. — Что теперь, Мендер?

— Парсонс долго стучал в дверь ванной комнаты, сэр, но не добился ответа. Парсонс и я, сэр, опасаемся, что джентльмену нездоровится.

— Чушь! — вскричал Алистер, вставая из-за стола. — Чушь и вздор!

Сопровождаемый дворецким, раздраженный археолог, бормочущий что-то о несносной склонности к клоунаде и о древних земляных валах, удалился.

Гости и родственники переглянулись, после чего заговорила миссис Лестрендж Брэдли. Странно, но ее голос не соответствовал облику: вместо птичьего щебета, какого можно было ожидать, учитывая сходство ее рта с клювом, зазвучало нечто неторопливое, сладкозвучное, тягучее, даже маслянистое, густое, отчасти слащавое.